

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации

Павлюченко Александры Андреевны «Сравнительный анализ цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана при администрации Б. Обамы и Д. Трампа», представленной на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4.

«Международные отношения, глобальные и региональные исследования»

Диссертационное исследование А.А. Павлюченко выполнено в новом и отчасти неожиданном для отечественной теории международных отношений ракурсе. На протяжении последних десяти лет по проблеме цифровой дипломатии ежемесячно выходит много научных и публицистических статей, монографий и популярных изданий. Однако А.А. Павлюченко нашла в рамках этой области по-настоящему новаторский ракурс. Во-первых, она проанализировала понятие «цифровая дипломатия» в рамках науки о международных отношениях, а не социологии. Во-вторых, она проанализировала политику США в области «цифровой дипломатии» не как набор американских социологических концепций, а на примере двух конкретных стран – Великобритании (ключевого союзника) и Ирана (одного из ключевых противников, конфликт с которым перерос в серию военных акций 2025 - 26 гг.) По сути в работе понятие цифровая дипломатия отделяется от сферы социологии и рассматривается в рамках науки о международных отношениях на базе историко-политического материала.

Для достижения этой цели П.А Павлюченко обращается к методологии социального конструктивизма (теории П Бергмана и Т Лукмана). Автор соглашается с точкой зрения Н.А. Цветковой, «конструктивизм открывает перед исследователями совершенно новую глубину в изучении цифровой

дипломатии, что, в свою очередь, может оказать влияние и на развитие самой конструктивистской теории. Сам автор отмечает, что «конструктивизм делает возможным анализ того, как цифровые взаимодействия создают и трансформируют представления о международных отношениях, национальной политике и внешнеполитических акторах».. Но подлинная новизна работы П.А. Павлюченко заключается, полагаю, в том, что автор выходит за рамки социального конструктивизма, преодолевает его. Сам диссертант справедливо указывает на структурно-функциональный подход, который позволил проследить трансформацию институтов цифровой дипломатии. Понятие «цифровая дипломатия» в работе наполняется, таким образом, конкретным содержанием: как именно США реализуют цифровую дипломатию в отношении своих союзников и противников. Значит, из обсуждения сути цифровой дипломатии автор переходит на уровень реальной политики, обсуждая два вопроса: 1) как работает цифровая дипломатия в отношении конкретных стран; 2) можно ли на практическом уровне оценить ее эффективность или неэффективность.

Обосновывая актуальность работы, автор также обращает внимание прежде всего на историко-политический, то есть практический, аспект. В результате социальных, политических и технологических трансформаций возникла самостоятельная область науки — цифровая дипломатия. Традиционно исследования цифровой дипломатии на этом и ограничиваются. Но автор сразу подчеркивает, что будет рассматривать этот феномен на примере США как во внешнеполитическую деятельность. США выбраны как один из основоположников цифровой дипломатии. Цифровая дипломатия предстает, таким образом, не просто как абстрактная категория, а как составная часть межгосударственных отношений, их практический инструмент. Выбранный подход позволяет автору четче сформулировать **научную новизну** своей работы. Диссертант видит ее в том, что «цифровая дипломатия рассматривается не просто как теоретическая концепция, а как

эмпирически измеряемая система взаимодействий, в то время как разработанный метод исследования этой сферы позволяет делать выводы о приоритетах внешней политики и особенностях двусторонних отношений».

Автор справедливо выделяет четыре группы научных работ предшественников в изучении данной проблемы: 1) работы, посвящённые исследованию цифровой дипломатии как феномена современной мировой политики; 2) исследования, рассматривающие развитие внешнеполитического курса США в информационно коммуникационной сфере; 3) работы, посвященные методологическим аспектам анализа цифровой дипломатии. 4) исследования, посвящённые трансформации приоритетов и направлений внешней политики США. Однако в этом разделе допущена небрежность: сначала автор заявляет о выделении пяти групп научных работ (с. 5), но последней приведена четвертая группа – пятая отсутствует (с. 13). Для обзора научной литературы также характерна некоторая неравномерность в подаче материала. Автор делает подробный и глубокий анализ взглядов российских исследователей, который, полагаю, заслуживает отдельной научной статьи. Однако зарубежные авторы проанализированы А.А. Павлюченко более поверхностно, зачастую просто упоминаются в тексте, хотя многие построения российских авторов позаимствованы именно из американской и британской литературы.

Очерченной автором *объектной сферой* исследования выступает цифровая дипломатия США в отношении Великобритании и Ирана, под которой понимается использование цифровых технологий дипломатическими ведомствами; *предметом работы* – страновые особенности реализации цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана.

Из этих определений вытекает и предложенная автором *гипотеза исследования*. По мнению А.А. Павлюченко, «цифровая дипломатия США не является нейтральным коммуникативным инструментом: характер двусторонних отношений определяет не только тональность, но и саму архитектуру онлайн-присутствия дипломатических ведомств» (с. 17). В отношении государства-союзника реализуется инклюзивная модель, предполагающая координацию нарративов, генерацию пользовательского контента и конструирование общего пространства ценностей и угроз. В отношении государства-противника те же институциональные ресурсы направляются на делегитимацию власти и поддержку протестных движений. Такое выделение двух моделей цифровой дипломатии само по себе можно считать обоснованной гипотезой диссертационного исследования.

Теоретический вклад диссертации в отечественную науку о международных отношениях не вызывает сомнений. А.А. Павлюченко выделяет четыре компонента теоретической новизны своей работы.

Во-первых, систематизирован понятийный аппарат цифровой дипломатии с учётом отечественных и зарубежных традиций. Разграничены понятия «цифровая дипломатия», «кибердипломатия» и «дата-дипломатия», обоснована трактовка цифровой дипломатии как зонтичной категории, охватывающей классическую и публичную дипломатию.

Во-вторых, предложена авторская периодизация цифровой дипломатии США, учитывающая политические, технологические и коммуникационные факторы в их взаимосвязи. В отличие от существующих схем, сводящих эволюцию к изменениям в социально-медийной среде, периодизация фиксирует институциональные трансформации Госдепартамента и соотносит смену коммуникационных стратегий с внешнеполитическим курсом конкретных администраций.

В-третьих, развита конструктивистская теоретическая рамка: онлайн-коммуникация дипломатических ведомств рассматривается как практика

конструирования политических идентичностей, образов угроз и союзнических нарративов, что открывает возможности для изучения формирования представлений о международных отношениях и внешнеполитических акторах.

В-четвёртых, внесён вклад в методологию: обоснован смешанный подход, сочетающий хештег-анализ, тематическое моделирование на основе иерархической кластеризации, количественный и качественный контент-анализ и анализ вовлечённости аудитории.

Тем самым автор делает шаг от теории социального конструктивизма к институциональному подходу. Инструментарий автора позволяет рассматривать цифровую дипломатию как эмпирически измеримую систему взаимодействий, параметры которой верифицируемы и сопоставимы, что создаёт основу для сравнительных исследований цифровой дипломатии разных государств.

Открытость и междисциплинарность научных обобщений диссертации обусловлена стратегией исследования, в основу которой положен принцип предметности научного знания.

В диссертации разработана уникальная авторская методика, позволяющая проводить количественную оценку цифровой дипломатии, опираясь на обширные массивы информации. В ходе работы была выстроена целостная система понятий, относящихся к изучению цифровой дипломатии, при этом учитывались как российские, так и зарубежные научные традиции. Предложена авторская периодизация цифровой дипломатии Соединённых Штатов, которая принимает во внимание политические, технологические и коммуникационные аспекты. Впервые в российской научной среде было проведено сопоставительное исследование подходов к цифровой дипломатии, реализованных в период президентства Барака Обамы и Дональда Трампа. Кроме того, создан оригинальный инструментарий для

изучения активности посольств в социальных сетях, применяемый в рамках анализа внешнеполитического курса.

Автор также применил новаторские методы для изучения проблемы «цифровой дипломатии». Тематическое моделирование использовалось как первый этап анализа текстов, позволивший составить тематические словари для последовавшего далее контент-анализа. На последнем этапе исследования публикации, содержащие ключевые слова из тематических словарей и названия стран, были дополнительно подвергнуты качественному контент-анализу для выявления контекстов употребления ключевых слов и общего тона публикаций. На практическом уровне для анализа публикаций использовались хештег-анализ, тематическое моделирование на основе иерархической кластеризации, количественный контент-анализ, а также качественный контент-анализ. Комплекс методов позволил выделить динамику новостной повестки президентских администраций, а также реакцию на нее аудитории.

На этой теоретической основе автор выносит на защиту важные тезисы. Цифровая дипломатия США прошла несколько этапов. При первой администрации Обамы она служила ретранслятором прямой речи президента и госсекретаря; посольства имели минимальную самостоятельность и не формировали локальную повестку. При второй администрации Обамы она стала инструментом воздействия на общественное мнение: стратегии усложнились, появились кампании по генерации пользовательского контента, дипломаты освоили нюансы соцсетей. При Трампе цифровая дипломатия отошла на второй план, число публикаций сократилось в три раза.

В отношении Ирана цифровая дипломатия США была ограниченно эффективной: цели по мобилизации протестной активности не достигались, уровень вовлечённости аудитории был низким, устойчивого отклика не было. Коммуникация носила односторонний характер, аккаунт функционировал

как «эхо-камера», взаимодействуя преимущественно с аффилированными акторами, что снижало влияние на внутренний дискурс Ирана.

В отношении Великобритании цифровая дипломатия США была динамичным инструментом формирования союзнической идентичности. Её логика определялась долгосрочной стратегией и текущей внешнеполитической конъюнктурой. Посольство проводило кампании под конкретные задачи: подготовка британского общества к ТТИП, легитимация трансатлантического сплочения через образ общего врага, воспроизводство «особых отношений» через общую историческую память при Трампе. Смена тем при неизменной установке на союзническую солидарность показывает высокую адаптивность и встроенность в общую логику публичной дипломатии США.

Эффективность цифровой дипломатии США зависит, таким образом, от адаптации стратегии к целевой аудитории и уровня интерактивности. Диалоговая, локализованная и культурно релевантная модель (Великобритания) даёт более высокую вовлечённость и устойчивый имиджевый эффект. Односторонняя, слабо локализованная и избыточно идеологизированная коммуникация (Иран) формирует «эхо-камеру» и ограничивает достижение внешнеполитических целей.

Однако, как и всякое серьезное исследование, работа А.А. Павлюченко не свободна от недостатков.

1. На с.61 автор делает важное терминологическое указание: «автор обосновывает необходимость целенаправленного сужения исследовательского поля и отказа от включения в него любых форм метафорического использования слова «дипломатия», не связанных с деятельностью внешнеполитических ведомств». Однако насколько на практике реалистично провести такое разделение? Любые внешнеполитические ведомства реализуют решения принятые за их пределами: Госдепартамент США реализует не собственную

дипломатию, а комплекс мер, выработанный администрацией президента и Советом национальной безопасности. В любом случае мы неизбежно подходим к расширению термина «дипломатия», включая его метафорическое использование при описании мер, вырабатываемых другими государственными институтами.

2. Автор указывает: «Политологические исследования, напротив, тяготеют к использованию количественных методов – тематического контент-анализа, анализа фреймов, различных метрик вовлеченности – и к работе с «средними» и «большими» данными, что позволяет оценивать эффективность цифровой дипломатии, сопоставлять стратегии разных акторов и выявлять региональные особенности» (с. 62). Возникает вопрос: каким образом на основе количественных методов можно оценить эффективность цифровой дипломатии? Метрики вовлеченности и тематический контент-анализ могут показать действие цифровой дипломатии, но оценить ее эффективность ими невозможно. Здесь даже напрашивается другой вопрос: можно ли в принципе оценить эффективность цифровой дипломатии в краткосрочной перспективе?
3. Автор указывает, что США используют в отношении Великобритании образы «общего наследия» и «общей угрозы». Но несмотря на это, мы видим постепенное расхождение позиций Вашингтона и Лондона, в том числе в связи с канадской проблемой. Насколько в таком случае была эффективна цифровая дипломатия США в отношении Великобритании?
4. Автор часто указывает, как администрация Б. Обамы или Д. Трампа использовала в сетевой дипломатии ту или иную тему – борьбы с терроризмом, революционных изменений и т.д. Но все эти темы использовались США и до 2009 года. Возникает вопрос о структуре цифровой дипломатии США: генерирует или она новые смыслы или просто транслирует старые, используя интернет-технологии? Но в

таком случае, цифровая дипломатия – это скорее техническая, а не политическая сфера?

Завершая анализ рецензируемой работы, отметим, что она имеет продуманную и логичную композицию. В ней четко выделены главы, разделы и подразделы, отражающие общую стратегию анализа проблемы и ее этапы. В *Заключении* в четкой форме подведен итог исследованию и изложены его результаты. Обширная библиография свидетельствует об эрудиции автора, а также исчерпывающе представляет научную литературу по разрабатываемой тематике.

Публикации в полной мере отражают содержание работы.

Таким образом, по содержанию и по форме рецензируемое диссертационное исследование соответствует всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, А.А. Павлюченко, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»

Официальный оппонент

Фененко Алексей Валериевич

Доктор политических наук,

Профессор кафедры международной безопасности

Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Адрес

Тел. +

E-mail.

Алексей Валериевич Фененко
секретарь АМН за подписью СВ.

04.03.2026

